

Сауле Беккулова

МИР СОЗДАЮТ УЧЁНЫЕ!

Доброе дело – это то, что вызывает улыбку радости на лице другого человека.

Пророк Магомет

Академик Балмуханов Саим Палуанович – живая легенда. В этом году Казахстан отмечает 90-летие славного сына своего народа, доктора божьей милостью, первого казаха-онколога, основателя Научно-исследовательского института онкологии и радиологии, выдающегося ученого, кавалера орденов Ленина и Отечественной войны.

Он рассказал мне о себе лишь теперь, после ухода из жизни моих родителей, которых хорошо знал. Дружа с ними со студенчества, он тепло относился к молодой паре. Впервые услышав его имя от мамы, я хорошо запомнила то, что это – необыкновенный человек, настоящий герой и гражданин. А встреча, состоявшаяся в его кабинете в Институте онкологии, подтвердила мое детское впечатление. Моложавый, улыбчивый, энергичный, он сразу предстал в образе мудрого наставника...

Детство. Юность. Война

– Я родом из района Кемир Актюбинской области. С отличием окончил там казахскую школу. Потом в 1939 году приехал в Алматы, поступил в мединститут. На курсе нас было 7–8 человек. И вот началась война. В те дни нам читали лекции по 10–12 часов, обучая военной хирургии, гигиене и другим дисциплинам. Окончил за четыре года и в 1943 году ушел на войну. Был там 2,5 года. Тогда мне был 21 год. Меня сразу назначили командиром роты. Что это такое? Это – 10–15 джигитов и около 15 стариков. Тогда 45–50-летних мы считали «старцами». Как мне было ими командовать? Вокруг жуткое сквернословие – мат, мат, мат! Пришлось выучить... Словом, война учила... Когда был главой медицины полка, начальником, перешли-таки дважды Сиваш. В первое время были девчата – бедные, все до одной сгорели... Потом пришли в Севастополь, затем наш полк направили в сторону Великих Лук. После Белоруссии были в Пруссии, Прибалтике, в Литве. Тогда я впервые увидел литовцев. Меня почему-то они любили больше других. Если приходил к ним домой, встречают с почетом, угощают жареными на свином жире яйцами и водкой. И поражаюсь – как это проходит... И поляки тоже были приветливы. После взятия Кенигсберга нас направили в Сопот. Участвовал во взятии. Тогда должен был взять один орден... Получил два ордена Красной Звезды, два – Отечественной войны.

– Так Вы – герой? Боец?

– Да, боец, ветеран.

После войны. Создание НИИ онкологии

— А когда вернулся домой, в Казахстан, работал над созданием Института — принимая в этом участие, пытался решать проблемы Семея... Словом, учтя все заслуги, правительство наградило орденом Ленина. Так что похвастаюсь и этим...

Институт начали создавать с 60-х годов. Тогда, в 1963 году, министром был Карымбаев. Мы вместе отправили в Москву письмо о том, что пора в Казахстане открывать онкоинститут. Под ним поставил свою подпись и Каныш Имантаевич Сатпаев. Вскоре пришел ответ: готовится большое постановление по всем республикам. Карымбаев Ескендер Ескалиевич предложил мне стать директором. Я еле уговорил его, найдя Нугманова. Он и стал директором. Научная работа — это другое... В то время были райком, райисполком. Для этого нужны люди, любящие администрировать, а мне это — не близко. К счастью, Сакен Нугманович был избран, мы подружились, открыли институт и отправили в Москву 20 отличников, которых отобрали здесь. Самых лучших из них после окончания учебы оставили в институте.

Так появился наш институт. Многие, конечно, помогали. Так, зам. председателя Совмина Атамбаев Отешкали Есенгалиевич очень помог при строительстве здания. Он сам — астраханский джигит, настоящий гражданин-патриот, очень помогал. Ежедневно звонил мне домой с вопросом: готов ли проект? И с рассветом отправляясь к архитекторам, угощая их то чаем, то водкой, упрасывая поторопиться, работая так до 12 и часу ночи, завершили проект в два месяца. Думаете, зачем эта спешка? Надо было срочно внести в план — это ведь непростой трехэтажный корпус, а радиационный. Надо было отвезти в Москву и утвердить проект... Одним словом, было много работы, и все получилось.

Вновь — о юности

После недолгой паузы Саим-ага неожиданно возвращается к рассказу о своей юности. Мы не стали говорить о том, что он — действительный член Академии наук СССР и Казахстана, всемирно известный онколог, автор фундаментальных научных трудов по радиологии и онкологии, научный руководитель целой школы ученых в Казахстане и России, спаситель жизни сотен и сотен тысяч людей, ни о том, что уже выросли и стали отцами его собственные дети. Разговор наш вновь обрел рамки очень личные. Он говорит мне о маме моей, Балгожиной Сабире Нурумжановне, выпускнице Казахского педагогического института, в то время лучшего вуза в республике, аспирантке первого казахского ученого-историка профессора Ермухана Бекмаханова, студентке Института иностранных языков, историке, лингвисте; словом, о своей ровеснице.

— Вернувшись после войны, я поступил в аспирантуру. На улице Пушкина стоял отдельный дом Академии наук для аспирантов. Там в одной комнате жили девушки, в другой — мы, четверо джигитов. Потом уже поехал в Москву. И вот мы

тогда около шести месяцев были в одном доме, вместе. Разве хватит слов, если вспоминаешь...

– Не понимаю, почему мама молчала, ничего мне не рассказывала.

– Это, наверное, аульное воспитание...

– Нет, думаю, иначе. Это – дворянское происхождение, ведь ее бабушка и мама жили с гувернантками, спали на шелковых простынях и ели с серебра и золота... Другой взгляд на вещи. Во всем. И – умение молчать: голод коллективизации, смерть, репрессии... А о Вас сказала: «Если бы не Саимчик, меня не было бы с тобой». Оказывается, собираясь ехать в Москву на защиту диссертации отца, оказалась в больнице после Вашего осмотра с диагнозом – туберкулез. «Он мне жизнь спас, – говорила мама и необыкновенно нежно улыбалась. – Настоящий джигит, настоящий сын своего народа, настоящий мужчина». И больше – ни слова. На мои попытки что-то узнать отвечала: «Англичане говорят: “Не хочешь услышать в ответ ложь – не за-

давай вопросов”». И потому ни о радиации, ни о Семее, где была в раннем детстве неоднократно, ни о туберкулезе мне говорить с ней не следовало.

– Ну, тогда многие болели туберкулезом. Это же незаметно. Да, и радиация у нас сколько лет... В Семей мы с коллегами делали попытки ездить, чтобы помочь населению в лечении онкозаболеваний. Были медкомиссии с участием москвичей. Принимал в этом участие и Каныш Сатпаев. Но Москва запретила публиковать данные обследований и соответственно – спасать людей. Это лишь теперь стало все известно, а сколько лет прошло, сколько людей загублено... Я об этом помню всегда. Ведь мама твоя – из Семей, да?

– Да, она – из Аягуза. И это было причиной ее страха за детей, за наследственность, ведь брат мой там родился. И она знала об испытаниях. И молчала. Именно потому я, мечтая стать врачом и потом избрав другую профессию, решила своими глазами увидеть – что такое человеческий организм в болезни, – пришла в Ваш Институт без ее ведома и соизволения, да и без Вашего. Помню, как Вы отчитывали меня на прощанье, узнав, что я – это я, «дочь Сабиры». Ведь Вы «опознали» меня по голосу. И сейчас я ни о чем не жалею, ведь медицина не стала мне чужой. Те полгода работы в лаборатории Бетатрон под началом профессора Наримана Ажигалиева, Вашего ученика, дали мне многое. А маме я призналась много позже, как и отцу. И сейчас, слушая Вас, многое в ней вижу и чувствую еще тоньше и ближе.

– Да, в те послевоенные годы, живя в одном доме, мы делились утренним чаем – кипятком. Хлебом. В те годы утром, если хлеб был, это уже был праздник. А она, мама твоя, откуда-то получала масло. От бабушки, отца? И этот хлеб с маслом остался в памяти.

По-моему, у тебя очень большое сходство с мамой – в интонации, в движениях. Она могла молчаливо находиться в обществе, слушать – что говорят. Но иногда, если вступала в разговор, то никому не давала слова. Говорила очень ярко и на казахском, и на русском языках. О чем мы спорили? Помню, там были химики, медики, еще какие-то люди, которые маму понимали. В общем, казахов там почти не было. Она же доказывала, что наш народ имеет право быть признанным среди

других. Так, о грузинах и прочих талантах она говорила: «Нет, мы – талантливее», а об азербайджанцах, хорошо поющих: «Ну, это просто реклама. Если нашему любому певцу создать условия, то он – лучший. Надо ведь преподнести!» Вот такие вопросы поднимала...

Помню, что мама твоя – красивая. Все в ней такое яркое, что в памяти моей осталось – а сколько лет прошло – пятьдесят, а то и больше! Детали стираются. А вот глаза, огромные, влажные, помню. Я с детства помню глаза верблюжат – и у мамы твоей были большие глаза, настоящая Ботагоз. Но цвет не черный. Какие-то необычайные. Вот это осталось в памяти... Ну, в молодые годы все всегда слегка влюблены, само собой. И мы друг к другу относились по-дружески. Не позволял себе оскорбить чувства, но такое нежное отношение сохранилось. Девочек, девушек я много видел. Но только она оставила такой яркий след в моей жизни.

– А ведь мама моя мечтала о научной работе и реальном воплощении ее в жизнь: чтобы молодые казахи владели родным языком наравне с английским и русским. Она составила картотеку казахско-русско-английского фразеологического словаря. И хотела, чтобы наш народ стал известен во всем мире. Но наша жизнь меняется очень активно и явно. А ученые еще больше, чем прежде, «уходят в тень».

Творцы мироздания

– Ученых всегда считали чудаками, дураками и еще как угодно. А сколько раз мне в детстве говорили: «Очкарик!» У нас отношение было к интеллигенции не то, в кино показывали их никудышными. Так что с этим надо мириться, ничего не поделаешь. И меня издавна ругали: вот, живешь не в том мире. Но такова жизнь, у всех – по-разному. Нужно финансами заниматься, особенно сейчас... Но называя ученых чудаками, надо помнить – это они создавали мироздание наше!

На прощание после всех этих серьезных слов мне хотелось услышать что-то иное. И я спросила:

– Когда сложилась профессия, нужна ли, не мешает ли ученому семья. Женщине, наверное, труднее, это отвлекает ее, а Вам?

В ответ раздался смех: «Ну, главное, чтобы вовремя на стол подавали пищу...»

Потом, устроившись на диване, мы сфотографировались. И вдруг я услышала гордое:

– А знаешь Томирис, царица сакскую? А в Чехословакии сейчас есть министр Жамиля, наша!

– Да, знаю, Ордабаева Жамиля, дочь архитектора!

– И в Африке – тоже наша!..

Мы рассмеялись, и на том встреча завершилась.

За окном стоял ноябрьский холодный день, а в душе моей – свет, весна и ожидание радости. Рахмет, Саим Палуанович, Вы – Настоящий! Вместе со всей страной и народом желаю Вам долгих лет, здоровья и счастья!

Это о Вас сказал Заратустра: «Делать добро другим – не обязанность. Это – радость, ибо это улучшает здоровье и увеличивает счастье». Спасибо!

